

«Что невозможно выразить словом»...

В ТБИЛИСИ на сцене окружного Дома офицеров показывает свои спектакли Московский театр Мимики и Жеста. Это уникальный в своем роде театр, и не только по используемым средствам выразительности, но, и потому, что его актеры глухие. Они могут выразить свои чувства и мысли только пластикой и жестами. Это и составляет специфику и особенность этого театра.

Он был создан на основе существовавшей с 1957 г. студии при Центральном правлении Всероссийского общества глухих, где готовили режиссеров для самостоятельности. Студия привлекла к себе внимание молодых педагогов-режиссеров театрального училища им. Щукина, которым руководил тогда В. Захава. Он принял активное участие в организации постоянных занятий с глухими студийцами. Среди них оказались по-настоящему одаренные студенты, способные работать не только в самостоятельности, но и стать профессиональными актерами. Тогда решено было перевести студию на программу обучения Щукинского училища.

За четыре года будущие актеры подготовили ряд спектаклей, в которых выявилось яркое дарование глухих актеров, как В. Бондон, В. Соколов, Д. Чебышев, О. Горфельд, Т. Силантьева, В. Шубин, Р. Щувалов...

С 1957 по 1963 год было подготовлено еще две группы актеров, среди которых особенно выделялась М. Грехова — обладающая сильным драматическим даром. Многие зрители, наверное, помнят ее в роли глухой девушки из фильма В. Шукшина «Ваш сын и брат», помнят ее «говорящие» глаза.

В 1963 году театральная студия была преобразована в театр Мимики и Жеста. Предназначен он главным образом для глухих зрителей, для того чтобы приобщить

их к литературе, помочь проникнуть в мир искусства.

Спектакли театра абсолютно понятны и охотно посещаются слышащим зрителем. Здесь есть актеры — дикторы, которые озвучивают все, что «говорят» руками действующие лица. Работа дикторов своеобразна и необычайно сложна, они как бы дублируют каждого из персонажей, создавая разные характеры.

Театр Мимики и Жеста,

являясь в основе своей драматическим, широко экспериментирует, расширяет жанровую структуру спектаклей. Одно из направлений поисков — пантомима. Ее элементами владеют все актеры, и многие — превосходно.

Приемы пантомимы использовались театром и в ранних спектаклях «Очарованный остров», «Жиды люди», «Прикованный Прометей». Наиболее законченную форму и удачное воплощение пантомима приобрела в одном из последних спектаклей — «Напритос» по Ф. Гойе. Его поставил польский режиссер Богдан Глущак, приглашенный в связи с развитием польской культуры в СССР.

По сути своей и замыслу этот спектакль чисто панто-

мимический, только в прологе и эпилоге введены диалоги. В «Напритосе» нет последовательно развивающейся фабулы, его сюжетом стала сама живопипись великого Гойи, его жестокая, фантазмагорическая серия офортов «Напритос». В спектакле показано восприятие мира глухим художником, мучительный процесс создания его творений. Как говорит постановщик в обращении к зрителю, эта «пантомима пере-

дает все то, что невозможно выразить словом: Это театр сна, мечты, эмоций, это — поэзия на сцене.

Вся пантомимическая часть спектакля идет в сопровождении сильной, эмоциональной музыки К. Пендерешкоу, его хор звучит как отголосок преследующих Гойю литургических песнопений, аккадически мрачных, с их звуком, но не подходящей до сознания латынью.

Нервно, драматически насыщено исполняет роль Гойи В. Шубин. А в Маке — О. Горфельд, в ее замедленной пластике читается определенность и чистота безмятежного творения. Остальные актеры в пантомиме и массовых сценах поражают четкостью пластики, свободным владением своим телом, непринужденностью и естест-

венностью движений в сложнейших мизансценических построениях.

Не менее ярко актеры проявили свои возможности в музыкальной комедии «Подвески королевы» по мотивам романа А. Дюма. Он еще более сложен для исполнения слышащими актёрами, т. к. в нем много музыки, пения, танцев. По эмоциональному настрою это совсем иной, чем «Напритос» спектакль, очень оптимистичный и озорной. Музыку к нему написал специально для театра Василий Павлович Соловьев-Седой.

Спектакль поставлен Г. Якерсоном живо, с выдумкой и юмором.

Как нельзя более топу спектакля, его настрою соответствует исполнение роли Д'Артаньяна И. Лесниковым. Его герой не отличается изысканным аристократизмом, но в нем есть нечто пафосная простота и безмятежность, а главное — обаяние, юнцеская пылкость и возторженность.

В спектакле много ярких актерских работ — это Бондасе — И. Шнейдерман, прекрасная комический актер, владеющий необычайно выразительной и отточенной пластикой; Каролева — Т. Ковальская, отличающаяся изящной, неувучей, романтической возвышенной манерой мимической речи. Запоминаются О. Горфельд — Миледи, В. Бондон — Планише, В. Шубин — Ролфор, Г. Митрофанов — хозяин постоялого двора...

Не мене сложны для исполнения и другие спектакли театра — эксцентрическая комедия «Где Чарли?» Д. Эббота, музыкальная комедия «Бабий бунт» по М. Шолохову, драма «Пульс моей параллели» Р. Гейдара и сказка для детей «Хрустальное сердце» Л. Устинова. Все эти спектакли открывают новые грани актерского мастерства, новые возможности и устремления коллектива. Театр, его режиссеры и актеры не останавливаются на чем-то привычном и апробированном, они ищут новые, неиспользованные ранее приемы. Может быть, поэтому театр привлекает к себе все больший интерес.

В. ЦЕРТЕЛИ.

На снимках: сцены из спектаклей «Напритос» и «Пульс моей параллели».

Фото Г. Сава.

31 МАЯ 1977

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР МИМИКИ И ЖЕСТА
Г. ТБИЛИСИ